

**ГЕОРГИЙ
БАЖЕНОВ**

ПОХИЩЕНИЕ
ЛЮБВИ

Георгий Баженов
Похищение любви

«Баженов Георгий Викторович»

2006

ББК 84(2РосРус)6

Баженов Г. В.

Похищение любви / Г. В. Баженов — «Баженов Георгий Викторович», 2006

ISBN 5-7117-0117-7

Книга Георгия Баженова «Похищение любви» – не просто роман о любви, написанный в традиционном ключе, в романе немало новаторских поисков как в развитии сюжета, так и в создании формы; в ткань романа органично вплетены и сюрреалистические, и мифологические элементы. Но все-таки в главном – это роман о молодой, страстной и жизнеутверждающей любви. Читайте и наслаждайтесь, дорогие друзья.

ББК 84(2РосРус)6

ISBN 5-7117-0117-7

© Баженов Г. В., 2006

© Баженов Георгий Викторович, 2006

Содержание

Часть I	6
Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	17
Глава четвертая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Георгий Баженов

Похищение любви

*If my slight Muse do please these curious days
The pain be mine but thine shah be the praise. ¹*
Shakespeare. Sonnet 38

Друзья посвящают эту книгу ЭДУАРДУ ЧЕХАЛОВУ – сокровенному художнику жизни

Часть I

Похищение любви

Глава первая

В конце рабочего дня Алеша подошел к Ларисе.

– Ты не можешь сдать комнату? – как бы между прочим спросил он.

– Комнату? – удивилась Лариса. – А вы что, надумали уходить от родителей?

– Ну да, надумали. – Алеша усмехнулся при слове «родители». – Нам ненадолго, на несколько месяцев. Летом мы куда-нибудь переберемся, – поспешил добавить Алеша.

– Я ведь и не думала никогда сдавать. – Лариса слегка покраснела. – Да вам, может, и не понравится у меня.

– Понравится. Я больше чем уверен.

– Ну, если так... – улыбнулась Лариса. – Приходите с Наташей вечером, посмотрите сами. Знаешь, где я живу?

– Знаю.

В это время мимо них с портфелем в руках проходил зам. начальника отдела Евгений Яковлевич.

– Что, знакомитесь поближе? – мрачно буркнул он. – Давайте, давайте... – В семье у Евгения Яковлевича были неприятности, и он в последнее время ходил мрачный.

– Евгению Яковлевичу наверняка завидно! – бросила в пространство Зина – Ларисина подруга.

Евгений Яковлевич остановился в дверях:

– Знаете что, Зиночка? – и усмехнулся.

– Ну что?

Евгений Яковлевич постоял, поморщился, но ничего не сказал и вышел из отдела.

– Ну, пойдете и мы, – предложила Лариса. – Зина, ты идешь?

– Сейчас, Лара. Вы идите, я вас догоню.

Выйдя из отдела и спустившись по лестнице, Алеша с Ларисой пошли по длинному светлому коридору; коридор соединял филиал их НИИ с одним из опытных цехов; в этом цехе, агрегатно-сборочном, работал и Алеша когда-то, но потом перебрался в вычислительный центр, сначала лаборантом, позже техником.

– Шумно очень, – покачала головой Лариса. – Как ты только работал здесь, Алеша?

– Работал... – неопределенно ответил Алеша.

Цех был чистый, большой, просторный, но его, казалось, до предела заполнил шум пневматических молотков и скрежет сверел о металл.

– Вон видишь, – показал Алеша, – парень заклепки ставит?

– Вон тот?

– Да! – Алеша говорил очень громко, почти кричал. – Вот и я с заклепками, еще до армии. Ничего... Что? Нет, я говорю, ничего вообще-то... работать можно!

Они улыбались друг другу, потому что Лариса плохо слышала и переспрашивала, а Алеша с удовольствием повторял.

Они уже выходили на улицу, когда, на ходу накидывая на себя шубу и шаль, их догнала Зина; она взяла Ларису под руку. На Ларисе были легкая дошка и мужская пыжиковая шапка; выглядела она «под мальчишку». Мягкими крупными хлопьями падал снег, воздух был чист, дышалось свободно.

На остановке Алеша помог женщинам войти в трамвай, и, когда трамвай тронулся, Зина кивнула Алеше, а Лариса махнула рукой:

– Так я вас жду сегодня, Алеша!

– Да, – ответил Алеша, – мы обязательно придем.

В трамвае подруги сели на боковые сиденья, Лариса – впереди, Зина – сзади. Вдруг Лариса почувствовала на себе чей-то взгляд; покосилась глазами и сбоку увидела мужчину, он смотрел на нее. Она отвернулась. «Смотри-ка... – подумала она с неожиданной тревожной радостью. – Ну, пусть... Я ведь еще ничего, наверное, а?..» И, повернувшись к Зине, она тихо, но с какой-то тайной радостью в голосе спросила:

– Ну, как ты?

– Ничего, – ответила Зина, – все хорошо.

– Слушай, – вдруг предложила Лариса, – поехали ко мне? Чаю попьем, поболтаем...

Разговаривая, она все время помнила, что мужчина поглядывает на нее; ей было и хорошо, и беспокожно. Лариса совсем развернулась к Зине и на один миг успела встретиться с мужчиной глазами. «Ничего, – подумала она. – Некрасивый, но... хороший, что ли? – добавила тут же. – Кажется, хороший...»

– Лара, – вдруг тихо прошептала Зина и едва не всхлипнула, – Лара, – повторила она, – у меня... я... – она вздохнула, – кажется, опять...

– А он? – почти машинально спросила Лариса.

Зина пожала плечами:

– Я еще ничего не говорила ему.

– Как всегда!

Зина опустила глаза.

– Значит, так, – распорядилась Лариса, – сейчас едем ко мне.

Зина вопросительно взглянула на Ларису.

– Там увидишь, – ответила на немой вопрос Лариса. – В конце концов надо серьезно поговорить. Нельзя же так бесконечно?!

Когда они выходили уже из трамвая, Лариса во второй и последний раз взглянула на мужчину: «До свидания. Очень жаль».

И он, поняв ее взгляд, быстро поднялся с места и, отстраняя пассажиров, заторопился к дверям. Он молча говорил ей: «Ну подождите же!» Но только он подошел к выходу, как дверь автоматически захлопнулась, а подруги были уже там, на улице, где шел снег.

«Ну ладно, до свидания, – подумал мужчина. – Бог с вами».

Выйдя на Остужевскую, подруги вскоре подошли к Ларисину дому, поднялись на третий этаж. Лариса в шутку нажала на кнопку звонка, но никто, конечно, не открыл дверь: ни Светланки, ни тем более Романа, бывшего мужа, дома не было. С мужем Лариса разошлась, а дочка жила с бабушкой в Жуковском, переехала туда на «пока».

Зина вошла в квартиру первой; пока Лариса возилась с цепочкой, Зина прислонилась к стене и навзрыд, громко и горько, заплакала. «Ах, дурочка ты моя...» – подумала с жалостью Лариса, а вслух сказала:

– Ну, не надо, что ты! Не надо. Пойдем-ка...

Раздев Зину, она повела ее в комнату, усадила на тахту и, взяв обеими руками ее лицо, слегка приподняла его.

– Не плачешь уже? – спросила она, но Зина плакала не переставая. – Вот и хорошо, – продолжала Лариса, словно Зина уже не плакала. – И не надо плакать. Чего хорошего в бабьих слезах? Ничего хорошего...

За окном синели сумерки, Лариса подошла к окну, приоткрыла форточку. Вместе с морозным воздухом в комнату ворвалась веселая мелодия:

«... а нам все равно,
а нам все равно,
не боимся мы волка и сову...»

– Видишь, не боимся мы волка, – сказала Лариса.

Зина сквозь слезы улыбнулась.

– Никакой жизни у меня не выходит, – говорила она чуть позже, когда сидели они уже за столом и пили горячий крепкий чай. – Несчастливая я.

– Ну, счастье... – задумчиво сказала Лариса. – Просто на этот раз тебе надо рожать, – добавила она. – Обязательно, Зина!

– Надо! Обязательно! – вспыхнула Зина. – А кто я ему, чтобы рожать? Ни жена, ни девка! Подстилка, вот кто...

– Я тебе и говорю: плюнь ты на Володьку, гони его в три шеи. Не хочет жениться – пускай проваливает. А то пригрелся! Ничего, без него проживешь, невелико добро... А сама рожай! Дети – это же для нас всё... Ну вот, если б не было у меня Светки, я бы не знаю, зачем тогда и жить! А без мужа проживешь. Да я бы твоего паразита...

– Лара, ну зачем ты так? Ведь я люблю его...

– А он тебя любит?! «Люблю, люблю...» Надо, чтобы и он любил, чтобы уважал хоть немного. А ему наплевать на тебя. Да, да, не спорь!..

Зина опустила голову:

– Я уже все перепробовала. И так к нему, и этак...

– А им только это и надо. Эх, дуры мы, бабы, дуры! – обозлилась Лариса. – С ними не так нужно. Не нравится – ну и скатертью дорожка!

– Тебе хорошо, ты сильная, Лара! А у меня ничего не получается. Вот я не разговариваю с ним, уже шестой день пошел. А он сначала: «Зин, ну, Зинуль, Зинуленька...» А потом, день на третий, купил бутылку вина, сидит, телевизор смотрит, вино попивает, усмежается. Я молчу, и он молчит. А дальше что?

– И дальше так. Ничего, не выдержит. Ты, главное, ночью не уступай...

– А тут не могу, – вздохнула Зина. – Ты же знаешь, какой он... – Зина виновато улыбнулась.

– Что я знаю?! – рассердилась Лариса. – Я знаю, что паразит он, вот что я знаю!

– Ла-ара...

– Лара, Лара! Сто лет уже Лара!.. И потом, знаешь, что я тебе скажу? Пропадешь ты со своим Володькой, вот что!

– Пропаду, – вздохнув, согласилась Зина.

– Да чего это ты вдруг пропадаешь?! Чего ты сразу соглашаешься?! Прямо зло на тебя берет, ей-богу! Со всеми она соглашается, все ее устраивает, все ей подходит. Есть в тебе хоть капля гордости? Или нету?

– Нету.

– Ну, это уж ты совсем! – всплеснула руками Лариса. – Это уж ты даешь! – Она вскочила из-за стола и, сбегав на кухню, принесла бутылку вина «Бисер» и две рюмки. – Твое, – буркнула Лариса и выпила рюмку.

Зина, помедлив, тоже выпила.

– Вкусно, – сказала она. – А вдруг мне нельзя?

– Ага, нельзя! – обрадовалась Лариса. – Не вздумай даже слушать своего Володьку! Если настоишь на своем, он уважать тебя начнет, будешь командовать им как хочешь! Представляешь: ты – мать! Ма-а-ать!..

Они выпили и улыбнулись друг другу.

– Да... – сказала Зина. – Конечно, ты права. Права...

– Давай-ка споем, – предложила Лариса. – Что-нибудь такое... – Лариса мечтательно-грустно улыбнулась. – А потом еще поговорим, подумаем... Да и что тут думать-то? Рожать надо!..

Они запели романс. В нем для них было столько личного, прочувствованного и пережитого, что безо всякого напряжения, спокойно и просто, вошли они в одно настроение; сейчас их как будто переполняла тоска расставания, большая, без краев, без начала тоска, но каждая чувствовала и понимала эту тоску по-своему. В голосе Ларисы тоска была горькая, потому что прощание уже случилось давно, а жизнь осталась, а жить вроде незачем и только воспоминание, только чувство, с каким расстались, теперь и есть настоящая жизнь. «Прощай, пришла разлука, прощай, моя голубка, навсегда-а...» – пела Лариса, и только вспоминала, и только тяжело помнила, что попрощалась уже давно, все прошло... А Зина не знала еще прощания, но предчувствовала его; она боялась прощания, думала о нем, отмахивалась от него, а прощание неумолимо надвигалось, жизнь катилась вперед, и с горьким сердцем приходилось соглашаться, что какова бы ни была ее жизнь, «ничего, ничего, ничего не осталось от жизни моей...»

Они не глядели друг на друга, а смотрели на темное окно перед собой. Сладка была им песня. И пусть в жизни не очень им повезло, но раз есть такая песня, раз поется полным, раскованным голосом, то быть не может, чтобы надежда совсем оставила их. И когда они пропели:

Только раз бывают в жизни встречи,
Только раз судьбою рвется нить... —

и замерли, чтобы выдержать паузу, в квартиру Ларисы позвонили.

Это были Алеша с Наташей; открывая дверь, Лариса смутилась: она совсем забыла, что должен прийти Алеша, и теперь слегка покраснела – было неудобно, что она немного пьяная. Алеша с Наташей стояли перед входом, тоже смущенные.

– Ну, проходите же, проходите! – опомнилась Лариса. – Алеша, ну что же ты! Проходите!

Алеша пропустил жену вперед; коридорчик был узкий, Лариса прислонилась к стене; проходя мимо Ларисы, Алеша обернулся, и они вдруг крепко стукнулись лбами – у Ларисы даже слезы на глазах выступили. Алеша растерялся, покраснел, приложил ладонь ко лбу и начал горячо извиняться. Но Лариса, махнув рукой, засмеялась веселым звонким смехом. За Ларисой рассмеялся Алеша, за ними осторожно засмеялась и Наташа. Зина, выбежав на шум, увидела смеющихся «дурачков» и, как это бывает, не сдержалась сама и тоже прыснула.

Этот общий смех помог женщинам без лишних церемоний познакомиться и решить дело быстро и по-дружески. Комната была сразу по коридору направо, Алеше она понравилась, он тут же предложил за нее сорок рублей. Лариса от денег отказалась совсем; начали спорить. Наконец Зина примирила всех. Сказав, что со стороны Ларисы, конечно, благородно отказываться от денег, но нужно помнить о самолюбии и гордости других. «Двадцать пять рублей – и все по чести», – закончила Зина. На том и согласились.

Лариса пригласила всех в свою комнату. «Надо же отметить это дело», – сказала она.

Когда налили вина, Наташа наотрез отказалась пить.

– Ну, всего одну, во-от таку-ую... – улыбнулась Лариса.

– Нет, нет, я не буду, – улыбнулась в ответ Наташа.

– Маленькую-ю... – продолжала настаивать Лариса.

– Нет, нет, ни большую, ни маленькую, – упорствовала Наташа.

Три руки с рюмками были подняты, все ждали. Наташа все не соглашалась; ни Зина, ни Лариса не знали, что делать. Выручил Алеша; приняв несколько таинственный вид, он как будто в сторону, но довольно четко проговорил:

– Знаете, нельзя ей...

– А-а... – протянула понятиливо Зина. – Тогда, конечно. Вы что, жде... – Но не стала договаривать: «...ждете кого-нибудь?» – не все ведь любят говорить об этом.

Так что выпили втроем; Лариса и Зина про себя поздравили Алешу. Алеша же, намекая на то, что Наташа в положении, просто-напросто схитрил. К этой уловке приходилось прибегать всегда, когда Наташа отказывалась в компании пить. В кругу своих друзей-студентов она пила и не презирала за это ни себя, ни друзей, но среди чужих или малознакомых вела себя так, словно для нее вообще оскорбительно, когда рядом пьют. Она сидела за столом и поглядывала на всех с некоторым пренебрежением. Лицо у нее было красивое, с темными маленькими, но выразительными глазами; длинные черные волосы, слегка загибаясь на концах, обрамляли бледное лицо.

Втроем они выпили снова, Наташа все так же сидела и не только не пила вина, но и не принимала участия в разговоре. Да и по поводу снятия комнаты, цены и прочего Алеша тоже ведь разговаривал в одиночку, Наташа ни в чем не поддерживала его, не радовалась «удачной» комнате. Если Алеша что-нибудь слишком хвалил, она говорила с усмешкой: «Ну да, да, конечно...», если бранил, говорила: «Мало ли что нам кажется...»

– Нам не пора? – напомнила она.

– Посидим еще немного, совсем немного. Хорошо? – попросил Алеша.

Ему бы, по правде говоря, очень хотелось, чтобы вещи сами собой переместились с Семеновской сюда, на Остужева, чтобы можно было не разговаривать с тестем и тещей в последний раз, на прощанье. Хотя, конечно, прощание это не могло быть грубым или оскорбительным, но без покачиваний головы не обошлось бы наверняка. К тому же Алеша понимал, что ни комната, ни хозяйка, ни Зина, – но это уже было второстепенным, – не понравились Наташе, да и понравиться не могли. В просторной трехкомнатной квартире отца и матери была у Наташи своя комната – чистая, с огромным окном, чуть не во всю стену, с прекрасным балконом, с отличной мебелью, правда, родительской; комната вдвое больше той, которую они собрались снять у Ларисы. Но Алеша не хотел никаких «подарков» от ее родителей, дело было даже не в самой комнате – это ерунда, дело было в отношении тестя и тещи к нему и дочери по поводу *их* комнаты, *их* мебели, *их, их, их...* Они, конечно, да и заслуженно, чувствовали себя хозяевами всего того, чем обладали, но они были еще и твердо убеждены, что безо всех этих удобств, без всего того, что они предоставили дочери и зятю, молодым было бы невозможно жить, они бы задохнулись, подняли ручки. Алеша же терпеть не мог, если в его жизнь вмешивалось благодеяние, да еще такое, которое уверено в своем всемогуществе. Это его оскорбляло.

– Знаешь, давай все-таки выпьем, а? – подмигнул он Наташе. – Ну, пожалуйста. За нашу с тобой жизнь.

– Алеша, ты же знаешь... я пить не буду.

– Ну, я прошу тебя! Ведь у нас, можно сказать, новая жизнь начинается. Давай, а? Заметь, – улыбнулся Алеша, – волшебное слово говорю: пожалуйста.

Наташа тоже улыбнулась.

– Нет, Алешенька, – сказала она мягко, – раз не пила сначала, то и не буду. Ну, пойдем лучше...

Алеше ничего не оставалось, как согласиться; они поднялись из-за стола.

– Ну, так вас когда теперь ждать? Завтра? – спросила на прощание Лариса, открыв дверь и поеживаясь от холода.

– Ну да, завтра утром. Мы ведь во вторую завтра?

– Ага.

– Утром и прикатим. – Алеша улыбнулся.

По лестнице спускались молча.

Оставшись вдвоем, Лариса с Зиной немного взгрустнули. Лариса вдруг остро позавидовала, что вот есть же на свете люди, как Алеша с Наташей, живут себе вместе, устраивают жизнь, любят друг друга. А что Наташа строга с Алешей, так это, может, только к лучшему, потому что мужьям спуску давать нельзя. Вон ее Роман... А Зина тому позавидовала, что вот Наташа в положении, но если для Наташи все просто и ясно, то для нее это одна мука. Тоже, конечно, хочется ребенка, дочку, но ведь хочется, чтобы у нее и отец законный был...

– Ну, так допоем, что ли? – предложила Лариса. Они повернулись друг к другу, грустно улыбнулись и начали петь. Также легко и свободно, как прежде, нашли они то общее в песне, что объединяло их, и запели грустно, ладно и хорошо. И вновь с особенным чувством пропели, что «только раз бывают в жизни встречи, только раз судьбою рвется нить...

Только раз в холодный синий вечер
Мне так хочется любви-и-ить...

От «люби-и-ить...» у них сладко щемило в груди. И они тянули это слово как можно дольше, потому что следом снова шли слова о разлуке: «Прощай, пришла разлука, прощай, моя голубка, навсегда...», а не очень им хотелось прощаться, а прощаться надо было...

Закончив петь, они посидели молча, что-то вспоминая... И хотя не разговаривали, не смотрели друг на друга, но чувствовали себя очень близкими, родными, больше даже, чем сестрами.

- И не вздумай дурить на этот раз, – погрозила Лариса пальцем.
- Думаешь, мне самой хочется? Господи, как мне не хочется, если бы кто знал!
- Ну и рожай.
- Ну и буду!
- И правильно сделаешь.
- И сделаю!
- И молодец!

– И мо...ло... – Но не докончив, Зина разрыдалась, уткнулась Ларисе в плечо. Плача, она шептала. – Я хочу дочку, дочку...

– Ну и правильно, правильно, – гладила ее Лариса по голове ласково и осторожно, – и молодец будешь... Родится дочурка, хорошенькая такая, хорошенькая... Глазки голубые, волосы светленькие, знаешь, завиваются так, красивые... Будет говорить тебе: «Мама, мама...» И рассуждать будет, такая славная вырастет. Володьку прогонишь – и все... и мучиться не будешь, правда, правда! Дочка тебя всегда будет любить, никогда не перестанет... Она такая славная, хорошая вырастет...

Придя домой, Зина застала Володю лежащим на кушетке; в углу светился экран телевизора, на столе стояла наполовину выпитая бутылка вина.

- А-а... пришла наконец. Разрешите спросить, где изволили быть?
- Зина не ответила.

– Все молчишь? Ну-ну... А домой вообще-то не мешало бы пораньше возвращаться... «Нашел себе дом», – подумала Зина.

Она села за стол и, подперев лицо кулаками, начала смотреть передачу. Но не понимала, что показывали, о чем говорили. Все хотела начать разговор с Володей, но язык не слушался. Только было решалась: вот сейчас, сейчас – и не могла. Хорошо еще, было темно, Володя не видел, как она мучилась. Он поднялся с кушетки, налил себе вина, спросил: «Будешь?» Зина промолчала. Володя не стал пить, отодвинул от себя стакан.

- Сумасшедший дом какой-то! – сказал. – Совсем взбунтовалась баба. – И ухмыльнулся. «Нашел себе бабу, – подумала Зина, – телку безответную...»

– Зина, ну что с тобой? – спросил Володя, обнимая ее за плечи. – Ну что ты молчишь, Зинулька?..

Зина высвободилась из объятий, передернула плечами.

– Да! – загадочно сказал Володя. – Да!.. Ну что ж! – Он вновь потянулся к стакану, на этот раз выпил до дна и повалился на кушетку. – Эх-хе-хе... плохи твои дела, Володимир заморский, князь московский. Нет тебе во родной сторонushке ни удачи, – он ухмыльнулся, – ни бабенки в придачу...

Полежав молча, он поднялся с кушетки, подошел к телевизору, отключил звук. На экране развивались события, люди ходили, уходили, размахивая руками, требовали, сидели на заседаниях, бегали друг за другом, один человек долго целился в другого из винтовки, – убитого показали крупным планом. В комнате была полнейшая тишина, лишь монотонно гудел под напряжением светящийся голубой экран. Володя, стоя у телевизора, смотрел на Зину, потом включил звук на полную мощность. Зина молчала. В стенку застучали соседи – квартира была коммунальная. Володя с сожалением сбавил звук, потом во второй раз отключил его и вернулся на кушетку. Снова на экране развивались таинственные события, но Зина не воспринимала их. По правде говоря, она почти не замечала того, что только что делал Володя.

– Володя... – наконец выговорила Зина, и с этим первым словом ей сделалось легче. Она прокашлялась. – Володя, – повторила она, – я решила рожать. Я твердо решила.

– Ну, наконец-то слышу живой голос! Ей-богу, соскучился уже... – Володя соскочил с кушетки. – Ты что, потому и не разговаривала, что забеременела? Вот так причина! В первый раз, что ли?

– Я буду рожать.

– Ну, нашла чем удивить! И рожай себе на здоровье. Я мешаю тебе, что ли?

– Не смейся надо мной.

– Не смеялся и не собираюсь! Ну, правда, нашла причину, чтобы целую неделю не разговаривать... Рожай себе, я не помешаю. Давай-ка лучше спать, бай-бай...

– Не помешаешь! Знаю, что уж если решусь, так не помешаешь. Только дочке отца законного нужно!

– Прямо-таки дочке? Ну, может, и дочке, а только насчет отца не знаю... Если одна надумала рожать, так и рожай, не спрашивай про отца. А если про отца заговорила, так не мешало бы и с ним посоветоваться...

– Знаю я твои уловки. Рожать захотела? Ну и рожай, только, мол, не советую, а то могу вообще никогда не жениться. Рожай – не жениюсь, не рожай – тоже не жениюсь, и без того хорошо с бабой живется. Так, что ли?

– Ну, зачем так глубоко? Я ведь, в общем-то, не против детей, только надо бы сначала семью создать, так сказать, брак оформить. А то, если все начнут без мужей рожать, лихо получится.

– Лихо! А кто тебе мешает мужем стать? Я, может? Другой давно бы уж предложение сделал...

– Другой! Поищи другого-то... мужья теперь на дороге не валяются. Да и зачем же сразу предложение? Надо человека узнать вполне, проверить... Ты вон, например, не очень, оказывается, характером. Надо еще подумать, знаешь...

– Пугай, пугай! «Сразу предложение»! Три года с бабой спать – это ничего, а как предложение делать – «как это так сразу»? Хорошенькое сразу!.. Только вот что я скажу на этот раз: обязательно буду рожать. Женишься – не женишься, наплевать. Из тебя не выйдет человека, так, может, хоть дочь человеком вырастет.

– Ну что ж, давай рожай, давай... Я ведь не против, что ты! Это дело твое, личное! Не мне ведь с бельмом на миру жить...

Глава вторая

– Тебе выходить, – Алеша показал в окно. – Никитские ворота. – С работы Алеша с Ларисой всегда возвращались теперь вместе.

Лариса вздрогнула, взглянула на Алешу вопросительно туманным, отсутствующим взглядом:

– Мне?.. А ты?

– Я на Манежную. В шесть договорились – встречу Наташу.

– Ну да, понятно...

– Никитские ворота, – объявил шофер.

– Ну, пошла, – Лариса потерла лоб ладонью, нахмурилась, словно хотела что-то сказать, но забыла – что. Сдвинув пыжиковую шапку на затылок, улыбнулась. – Пока! – подала Алеше руку.

– Пока.

Глаза их встретились; они не знали еще, как-далеки были сейчас и в то же время как близки были друг другу. Это было примерно так же, как тогда, когда Лариса только пришла в вычислительный центр из экспериментальной мастерской. Она легко разбиралась в схемах, с удовольствием работала на «РАЗДАН-3» – электронно-вычислительной машине. Однажды от заказчика поступила жалоба; жалобу проверили – оказалось, в один из горячих дней Лариса неправильно ввела в ЭВМ программу. Евгений Яковлевич лишил Ларису квартальной премии. Алеша возмутился, вбежал к нему в кабинет и долго доказывал, что Лариса не виновата, потому что не может быть виновата. Это был его главный аргумент – «не может быть виновата». С тех пор между Алешей и Ларисой появилась какая-то особенная близость, которую они, правда, осознали не сразу...

Лариса вышла из автобуса; автобус вскоре был уже на Манежной площади. Алеша озорства ради выпрыгнул из него на ходу с задней площадки. Одевался он всегда легко, небрежно, по-студенчески. Ветер и холод тут же начали трепать его. Алеша постоял на одном месте, подумал, вспоминая, куда идти, и побежал к университету.

До звонка было еще полчаса, он сел в вестибюле на стул, начал ждать... Изредка мимо него проходили студенты. И он мечтал когда-то стать студентом. Дважды поступал, даже трижды, один раз еще до армии, но каждый раз проваливался на первом же экзамене – сочинении. Уж как только не наставляла его Наташа, в то время второкурсница, с которой он случайно познакомился в коридоре университета (тогда она была ассистенткой экзаменатора), что в сочинении главное – не делать ошибок и не писать заумно. Небольшое, простое, без всяких претензий сочинение. Алеша соглашался, но как только добирался до ручки и бумаги, не мог не написать того, что думал, – и получалось любопытно, конечно, но все это не имело никакого отношения к теме сочинения.

С провала на экзамене и началась его дружба с Наташей. Сколько было разговоров, встреч, клятв, ссор, странностей... Как мечтали – уже после свадьбы – жить друг для друга. Быть внимательными, добрыми, чуткими... Потом началась жизнь и серьезное узнавание друг друга. Что самое странное, так это неожиданное открытие Алешей: Наташа – истинное дитя своих родителей. Ибо что он узнал о ее родителях? О теще – что глупа, невежественна, деспотична, в то же время думает о себе как об умнице, добрейшей душе, – за все это Алеша возненавидел ее. О тесте – что добр, умен, правда, глуп в семейных делах, рабски подчинен жене, Лидии Константиновне, – за все это Алеша жалел, но и презирал Павла Петровича. Наташа любила своих родителей, это Алеша понимал. Но что считала их идеальными, этого он понять не мог.

«Ну, ты у нас зато идеальный!» – обычно говорила Наташа с издевкой в голосе.

Алешу всегда поражал этот ее злой и циничный тон. Иногда ему приходило в голову, что Наташа презирает его. Он был никто, это понятно, и презирала она его потому, вероятно, что он отваживался судить ее родителей, в то время как у тех по сравнению с ними было все – деньги, квартира, положение. А у него что?

«Правда. Молодость. Любовь», – отвечал он.

«Это есть у всех, – говорила она, усмехаясь, – у каждого в свое время – и любовь, и молодость. А правда? Что еще за правда? Какая правда?..»

«Нетерпимость ко лжи», – отвечал он.

«Ах, это!.. – восклицала она. – Нет, Алеша, что-то тут не так... Не терпишь ложь? А ведь иногда и сам лжешь. Ну, в маленьких таких случаях, когда как будто и не лжешь, а так... не договариваешь. Так что не успокаивай себя, не говори себе, что ты не лжешь, что ты хороший.

Знаю я, почему ты моих не любишь: у них, мол, и есть всё, а люди они дрянь, а у меня хоть и нет ничего, а я хороший... Так ведь все для себя хорошие!»

– Привет! – услышал он Наташин голос. – Купил?

– Что? – не понял Алеша. – Что купил? – Одновременно ему пришлось отвечать на приветствия Наташиных подруг.

– Как что? Билеты! – Наташа рассмеялась. Она лукаво поглядела на подруг: «Ох, и Алеша у меня!»

– А-а... – вспомнил наконец Алеша и слегка повел рукой в сторону (они договаривались пойти в кино). – Забыл... Не забыл, – тут же оговорился он, – некогда было.

Наташа молчала; почти не было заметно, что она обиделась. Они попрощались с Наташиными подругами и выходили уже из университета.

– У нас там история одна вышла с Евгением Яковлевичем... помнишь, я тебе рассказывал? – начал объяснять Алеша.

Наташа кивнула, но кивнула холодно.

– Ну вот... Оказывается, у него любовница есть, а у любовницы ребенок как будто родился. Чудеса в решете!

Они пошли по проспекту Маркса, затем вверх по улице Горького, к кинотеатру «Россия». Хоть было и холодно и все, кто шел по улице, спешили и кутались в пальто, все-таки мужчины оглядывались на Наташу. Все на ней светилось белым: сапожки, дорогая доха, пуховый шарф, сама же она была темная: глаза, волосы, ресницы, брови. Слушала она Алешу как будто внимательно, но без интереса. Почему-то ей все время хотелось возражать Алеше, даже спорить с ним. Ей всегда казалось, что Алеша со своими наивными представлениями о людях ничего не понимает в жизни.

– Он хоть на мужчину похож, – сказала она, имея в виду Евгения Яковлевича. – Подумаешь, изменил жене – какой-то там тухе... Значит, не слюняй он, этот ваш Евгений Яковлевич, настоящий мужчина...

– «Настоящий мужчина»! Посмотрел бы я на тебя, – вскипел Алеша, – если бы этим «настоящим мужчиной» оказался я!

– Ты?! – Наташа остановилась посреди улицы и глядела на Алешу как на чудо. – Ты бы изменил?! – Она странно-фальшиво рассмеялась. – Да никогда ты этого не сделаешь! Никогда!

– Я? Не сделаю? Я не сделаю?! – удивился Алеша, словно был готов хоть сейчас идти и изменить жене. – Почему это я не сделаю? – В то же время ему было приятно думать, что Наташа в нем так уверена, хотя это и раздражало.

– Потому! – ответила она. – Скорей земля провалится, чем ты изменишь. Потому что ты *такой*. Понимаешь, *такой*!!

– Какой *такой*? – обиделся Алеша.

– Да никакой, вот какой! Такой, какой не может изменить, – вот и все.

– Ну, знаешь!.. Это только ты можешь так все извратить и перевернуть! Даже то, что я не способен изменить, ты готова скорей признать за низость, чем за человечность.

– Низость? Какая низость? Любить женщину – низость?

– Не любить! – вскрикнул Алеша. – А изменять женщине.

– Изменять ей потому, что не любишь ее? Да ведь это-то и хорошо, человечно. Не изменять женщине, которую уже не любишь? – Голос у Наташи звучал приподнято. – Б-р-р!.. Тысячу раз прав этот ваш Евгений Яковлевич. Такие женщины, как его жена, того и стоят. Стоят того!

– А семья, дети, привязанность, честность? Это куда девать? Что бы ты сказала, если бы вдруг узнала, что отец твой, Павел Петрович, изменяет Лидии Константиновне?

– Замолчи! – закричала Наташа. – Ты дурак! Ты просто дурак! Ты думаешь, ты хорош и чего-то стоишь своей преданностью, а ты просто не способен на другое, и твоей преданности цена ноль! Ты просто трус! Да если ты изменишь, ты повесишься на другой же день, а вешаться тебе не хочется, тебе жить хочется, ты боишься смерти, да, да! Ты трус, ты боишься всего на свете: себя, людей, чужого мнения, смерти, жизни, женщин – и в то же время тебя тянет ко всему: и к женщинам, и к людям, и к жизни – веселой, разбитной, бесшабашной, распутной! Но ты трус. Тру-у-ус!..

Алеша, тихо сказав: «Ну да... да...» – как бы только для себя, шагнул в сторону, постоял, подумал... и пошел куда-то. Он сразу обо всем забыл, чувствуя, будто его кто-то со всего маху ударил по лицу. Наташа не решилась догонять его, растерялась, и ей было стыдно; раздраженно хмыкнув, она развернулась и зашагала в свою сторону. Она не очень понимала, почему так делает, но вдруг, ругая себя и Алешу, поехала к своим родителям...

Долго Алеша бродил по улицам, забывшись; шарф его выбился наружу, ноги промерзли, но он хоть и чувствовал это, как-то не обращал внимания на себя. Что ничего особенного не произошло, он знал, но знал теперь – как-то разом, из-за пустяка, что искренние его убеждения не обязательно могут быть поняты, а могут быть высмеяны – и не чужим человеком, а женой, Наташей, человеком самым близким.

Как раз когда Алеша думал об этом, он вдруг лоб в лоб столкнулся с каким-то мужчиной. Мужчина выругался, сказав:

– А в другой раз бакенбарды выдеру!

И ушел, сверкнув глазами.

Алеша подумал, усмехнулся, махнул безразлично рукой, левой рукой потер лоб, потрогал бакенбарды, сказал:

– Я тоже тебе выдеру – бороду.

И пошел своей дорогой.

Он вернулся домой поздно вечером. Дверь открыла Лариса:

– А Наташа где? Да ты что так смотришь?

Алеша глядел устало, уныло, но глаза его как-то нездорово блестели.

– Ее разве нет дома? – спросил он.

– Нет. Ты же поехал ее встречать...

– Значит, к родителям уехала, – сказал Алеша. – Ладно, пускай...

– Снегу-то наташил! – удивилась Лариса, отряхивая Алешино пальто. – Да ты совсем как ледышка! Где ты пропадал?

– По городу ходил. Замерз, – вяло ответил Алеша.

– А лоб-то какой горячий! – воскликнула Лариса. – Заболел, может?

– Знобит...

Они прошли к нему в комнату, Алеша сел на стул, вытянув ноги, прикрыв глаза. Вскоре на щеках его выступил нездоровый румянец.

– Давай-ка ложись лучше, – сказала Лариса. – Я сейчас градусник принесу.

Пока Лариса ходила, Алеша разделся, лег в постель. Температура оказалась высокой – 39,2.

– Ты сумасшедший, – сказала Лариса. – Разве можно с такой температурой шляться по городу? – Она принесла еще одно одеяло, накрыла им Алешу, сверху положила свое и его пальто.

Алеша лежал, тяжело дыша. У него был жар, все тело дрожало, зуб не попадал на зуб.

– Холодно... – говорил он. – Хоть бы согреться скорей...

Лариса вскипятила чай, положила в кружку побольше малинового варенья, подала Алеше.

– Не хочу... не надо... – Ему было лень двигаться.

– Давай-давай, попей немного... А сначала аспиричику... – Лариса приподняла подушку, помогла Алеше сесть. – Вот так... Выпей аспирин. Вот так... вот и хорошо...

Алеша проглотил таблетку, взял обеими руками кружку – руки дрожали – и начал, обжигаясь, но не чувствуя этого, пить сладкий малиновый чай крупными глотками. Изредка он останавливался, думая про себя: «Хорошо», но вслух ничего не говорил. Выпив чай, он откинулся на подушку, закрыл глаза.

Он хотел спать, но жар мешал ему. Все виделась ему какая-то отвесная стена, к краю которой он подходит, шагает куда-то, а потом летит, летит... и нет конца этому ужасному, томительному падению... Алеша открывал глаза – все пропадало, он шептал:

– Хоть бы уснуть... Стена эта, стена...

– Спи... спи... – шептала рядом Лариса. – Спи, маленький...

Он слышал, что она называла его маленьким, но не очень удивлялся этому, потому что в самом деле чувствовал себя беспомощным, маленьким; ему было приятно, как от матери, слышать этот шепот...

Он снова закрыл глаза, и снова начиналось падение... Только теперь, когда он уже согрелся и даже пылал жаром, ему это бесконечное падение казалось не вниз куда-то, а вверх, что было странно, непонятно, заставляло мозг напрягаться: почему так? почему? – и снова открывались глаза, и Алеша слышал все те же слова:

– Спи, маленький... Ах, дурачок ты, дурачок... дуралей... Заболел, маленький... Надо же придумать такое – в пальтишке осеннем... зимой по городу... Ах, голова садовая, голова садовая...

Иногда Алеша чувствовал, что на лбу его лежит мягкая ладонь, совсем как мамина, и он начинал не то чтобы метаться под ней, а просить у нее шепотом: «Ну убери же стену, убери стену... убери...», и ему отвечали: «Нету уж ничего, ничего нету, маленький... Всех убрали, всех прогнали, все ушли... Только ты один, только ты... Спи и спи, спи, маленький... Баю-баюшки-баю... а, а, а... баюшки-баю...»

Иногда же, открыв широко глаза, Алеша видел перед собой лицо, но совсем не мамино, другое... Потому что у мамы седые, старые волосы, а это были пышные золотые волосы... И волосы эти иногда щекотали ему лицо, и что-то хорошее, теплое, родное слышалось ему откуда-то оттуда, из тумана золотых волос:

– Вот и спи, спи, мой маленький... Спи, мой хороший... Спи, Алешенька, спи, мой славный...

И кто-то целовал его в лоб и говорил ему все это, а он то летел в бесконечную пропасть высоко вверх, то открывал глаза и слушал музыку слов, и не понимал ничего, и снова целовали его в лоб, целовали...

Глава третья

«Господи, – думала Зина, идя по улице, не замечая ни холода, ни ветра, ни снега, ни мороза, ни прохожих: она только что попрощалась с Алешей и Ларисой, – Господи, – думала она, – до чего же унижительно наше положение. Отдашь им всю душу, полюбишь их всем сердцем, а потом оглянешься – да что же это? Вся жизнь, вся любовь эти были бесконечным унижением, оскорблением, ложью... и за что? Может, и правда – никому не надо верить, никого не подпускать к себе... Но как тогда жить? Ведь кругом такие же люди, как и ты, если всем не верить, тогда и себе не верить?.. Как унижительно наше положение, как унижительно! Даже теперь, задумав рожать, даже теперь я должна унижаться перед ним, жить с ним, спать с ним, ходить перед ним на цыпочках – лишь бы одумался, лишь бы женился. Да зачем он нужен, *такой*? Зачем упрашивать, умолять, увещевать жениться, зачем здесь-то еще унижение? Да и кто он такой, этот Володя? Такой же, как и Евгений Яковлевич... Присосался пиявка – не оторвешь. Надо с мясом его выдирать, гнать его надо, в три шеи гнать – пускай к черту на кулички катится... Задумала рожать – значит, задумала. Сегодня же выкину все его манатки! Комната моя! Моя! С этим паразитом совсем все забудешь, живешь с ним, словно ты ему обязана, а ведь кругом, ну совсем кругом он обязан! Комната моя, вещи мои; кормлю его, пою, обстирываю! И после этого на него же еще молиться? Хватит... Доченька моя, дай-ка я тебя потрогаю... вот так... Тепло тебе под шубкой? Тепло... грейся, грейся... расти скорей, миленькая. В тебе только и утешение...»

Володя, вернувшись в этот день с работы, застал дверь комнаты закрытой изнутри, у порога стоял чемодан. Володя опешил. Начал стучать в дверь.

- Кто там? – спокойно спросила Зина.
- Что еще за фокусы выдумала?
- Никакие не фокусы. Уходи жить, где жил раньше.
- Да ты что, спятила?
- Я говорю серьезно.
- Зина!
- Не о чем больше разговаривать.
- Зина! Открой! Открывай сейчас же!..

На шум начали выглядывать соседи; одна соседка, которую Володя терпеть не мог, даже совсем вышла из своей комнаты. С любопытством глядя на Володю, она тонким голосом полупропела:

- Это оригинально. Нет, это экстравагантно. Экстраординарно.
- Ну, погоди же! – в последний раз крикнул Володя и, сверкнув глазами на «экстру», подхватил чемодан и вышел из квартиры, громко хлопнув дверью.
- Выходит, что же? – проговорила для себя соседка. – Выходит, странно... Странные эти алкоголики, когда напьются...

На другой день, когда Зина ушла на работу, Володя вернулся, спокойно открыл дверь – у него был свой ключ, выложил из чемодана свои вещи, развесил рубашки и костюмы по вешалкам, лег в постель и заснул безмятежным сном (эту ночь он провел на автобазе, измучился, не выспался, продрог). Зина появилась уже после полуночи – работала во вторую смену. Нисколько, казалось, не удивилась, что Володя дома. И наутро ничего не сказала ему. Но через несколько дней, вернувшись с работы, Володя застал дверь комнаты вновь закрытой, чемодан стоял у порога. Это его не на шутку обозлило.

- Опять фокусы! – закричал он. – Зина!
- Уходи! – только и был ответ.

И сколько ни ругался и ни проклинал Володя, так дверь и не открылась. Соседка успела на прощанье Володе сказать, что это уже не экстравагантно, а сверхэкстравагантно! Володя, проскрипев зубами, хлопнул дверью и ушел.

Но, разумеется, на другой день снова явился, когда Зины не было дома. И снова жил несколько дней...

Однажды, когда Володя спокойно лежал в постели, Зина пришла домой не одна, а с участковым милиционером.

– Ваши документы, – вежливо попросил участковый.

Зина стояла рядом, скрестив на груди руки.

Паспорт был, конечно, в порядке, но уж чего не было у Володи, того не было, – прописки на данной жилплощади.

– Прошу вас впредь проживать по месту прописки, – откозырял милиционер. – Если, конечно, не хотите осложнений, – добавил он, еще раз козырнув.

В следующий раз милиционер не был уже так учтив и вежлив; документы, конечно, проверил, но не советовал больше проживать по месту прописки, а попросил проследовать за ним в отделение милиции.

Володю, конечно, отпустили, но строго-настрого предупредили, и вот тут наконец он почувствовал, отчетливо осознал, что Зина с ним не шутки шутит.

Было Володе двадцать девять лет. Работал он шофером автобуса; со времени демобилизации он работал и на такси, и на банковских машинах, и на обычных грузовых, пока наконец не застрял в первом автобусном парке. Он любил машины потому, что с ними он чувствовал себя хозяином положения. Особенно нравилось ему «вкалывать», хотя это самая тяжелая работа, на такси, где он чувствовал себя богом. В то время план был еще двадцать восемь рублей, выполнял он его легко, играючи, войдя поначалу в число «вокзальщиков», затем «аэродромщиков». «Аэродромщики» – это целое королевство таксистов со своим «внутренним» уставом. Войти в это общество не так просто и легко. Нужна «рука», «рекомендация», на «совете» решается, принять человека в содружество или нет. Законы у них жесткие, однажды не выполнивший их выбывает из содружества навсегда. Володя, перехватив у «своего» же прилетевших из Якутска подвыпивших пассажиров, был не просто выдворен из содружества, но содружество еще и отомстило ему. «Совет» постановил, чтобы Володя трижды попал в руки контроля, и Володя попал; с такси пришлось расстаться навсегда. Тогда Володя устроился на базу, обслуживающую отделение Госбанка, где тоже можно было работать «налево»; но вскоре не выдержал однообразия маршрутов, а главное – зависимости от инкассаторов. Уволился, занялся перевозкой молока. За молоком приходилось ездить из Москвы километров за двести – двести пятьдесят, а то и за все триста – триста пятьдесят, особенно зимой. Работа была лихая, интересная, трудная, но «богатая». За одну десятую процента, приписанную в акты по фиксации жирности молока, получал, бывало, в награду по ведру сметаны и куску масла килограммов на пять; жить можно было. Потом Володя на полном ходу перевернул пустой фургон – был выпивши; жив остался, но машину покалечил основательно. Уволили. Так и попал наконец в автобусный парк. Сначала работа не нравилась – раздражали спешка, бестолковость, непонятливость пассажиров, – но вскоре привык, смирился со своей долей, а впоследствии, как это всегда бывает, нашел в ней и приятные стороны.

За одну смену можно было завести несколько знакомств – на выбор; было это хоть и не так богато, как в такси, но все-таки... В общем, без женщин жить не приходилось, а это, быть может, единственное для мужчины, ради чего стоит жить, рассуждал Володя. Так однажды он и познакомился с Зиной; поразила – или привлекла – она его тем, что при большей мягкости и доброте, чем другие женщины, она долго не подпускала его к себе, не позволяла даже целовать себя. И вот вместо того, чтобы плюнуть на нее – мало ли других женщин! – Володя вдруг потянулся к Зине; трогало его еще то, что никогда, ни разу за все время их знакомства Зина

не подчеркнула, не намекнула, что она инженер, а он простой работяга. Ей было неважно, *кто* он, важно, *какой* он; когда он это понял, то начал вести себя так, как ей хотелось: стал внимательным, аккуратным, а главное – серьезным. Добился Володя своего, лишь сделав Зине предложение, – с тех пор Зина и оставалась «вечной невестой». Володя перебрался жить к Зине, но о свадьбе словно забыл. Когда Зина начинала укорять его, он морщился, сердился, хлопал дверью и уходил в общежитие. «А то и вообще уйду!» – говорил не раз. За три года он настолько привык к своим капризам, что уже и жить без них не мог. Бывало, вообще ни с того ни с сего хлопнет дверью – и ушел. Особенно любил показать характер, когда Зине было тяжело: ей, например, в больницу идти (и страшно, и стыдно, и мерзко), а он хлопнул дверью и был таков. Как мучилась она в такие дни, как ненавидела и презирала его! Но зато как гордился Володя, каким-то шестым чувством он угадывал, что чем независимей он ведет себя, пусть даже жестоко, тем в большей зависимости будет от него Зина. Так и было. В конце концов Зина смирилась со своим положением, не ругала, не корила Володю, лишь бы не было никаких осложнений, ссор, расхождений. Она решила (вот уже и философия), что дело не в бумаге, а в факте: раз живут вместе, нужно жить мирно, тихо, одной семьей. О детях Володя и слышать не хотел. Особенно нравилось ему по нескольку раз переспрашивать Зину, кто же это будет отцом ребенка, если он родится.

«Ты», – говорила Зина.

«Я?»

«Ты!»

«Ну нет, аморальный тип не может быть отцом. Какой же я отец? Сама говорила, я – аморальный». – И смеялся.

А вот теперь пришлось Володе серьезно задуматься. Почему же он, всегда легко смотревший на связь с Зиной, вдруг так сейчас упорствует, не уходит от нее, не хочет уходить? В чем дело? Неужели настолько привык к Зине, что и расстаться с ней не может? Неужто в самом деле приворожила его? А может, это и есть любовь? Но тут Володя усмеялся: в любовь он не верил. Он был уже достаточно опытный человек, знал многих женщин, относился к ним не иначе как «все вы одинаковые»; иногда, правда, он задумывался всерьез: что же это такое, любовь? Где она? Какая она? И сколько ни думал, всегда приходил к выводу: никакой любви, как о ней говорят и пишут, нет. Есть природа, в природе есть люди; физиологически ни мужчина, ни женщина не могут жить друг без друга. Эту необходимость, эту неизбежность совместной жизни можно назвать по-разному – грубо и тонко, низко и высоко, любовью или физиологией, – но суть не изменится. Зачем тогда высокие слова? Зачем сочинять сказки для детей, что есть какая-то особая, неповторимая любовь? Само слово «любовь» претит душе – слащавое, интеллигентское. А жизнь есть жизнь, в ней всего хватает, и когда слышишь аханье да оханье: ах, любовь, ох, любовь, – так и хочется подойти и показать кулак:

«А вот эту любовь видел?!»

Жить не можете без своей единственной? Врете! Дать другую женщину – красивую, ласковую, добрую, не успеешь оглянуться, как забыл свою единственную... Ну пусть даже не так, не совсем так, пусть все женщины разные. Так это и хорошо. Найдешь разве в одном человеке, почувствуешь ли в нем одно начало и конец своих желаний? Тем-то жизнь и хороша, что женщин в ней много, надоест одна – выбирай другую, надоест вторая – выбирай третью... А почему нет? Кто может запретить? Шалишь! Ханжество это, а не истина, эта ваша совесть; потому что истин вообще нет, ни одной, истина – слово человеческое, а человечество меняет слова как перчатки: сегодня подходят, завтра нет. Нет, связывать свою жизнь с одной женщиной, отдаться в ее руки невозможно для настоящего мужчины. Сделать так – значит лгать против самого себя. Другое дело, конечно, прийти порой в дом, где тебя ждут, приласкают, покормят, спать уложат... Что говорить, это приятно, особенно когда устанешь; вообще приятно, если за тобой ухаживают. Ну так что, ради этой приятности жениться? Какие вообще

преимущества у женатого? Что женщина у него всегда под боком? Так и у него редко не бывает женщин, притом часто разных, а это уже преимущество холостяка: кровь хоть не застаивается, сердце громче стучит. Чем она как женщина особенная, эта Зина? Видал Володя и получше, попонятливей да понежней; нечего тут перед ним особенно воображать! Подумаешь, золото нашлось, красавица неписаная! Таких – только свистни... Милиционера придумала! Ну и ну!.. Против милиции он, конечно, пас... Ну и что же, так и оставить дело? Жить в общежитии да слушать насмешки? Позволить командовать, издеваться над собой? Три года был хорош, на четвертый муха укусила, не понравился, видите ли... Ну, не понравился – значит, до свидания!.. Но никак Володя не мог согласиться с этим «до свидания», что-то мешало ему принять сложившуюся ситуацию как должное. Что? Невозможность жить без Зины, привычка? Нет, не то, все не то... Он, конечно, скучает по ней, по-своему она нравится ему, даже больше – он уже свыкся с мыслью, что после работы надо торопиться «домой», к «своей»... там обед, отдых, телевизор и прочее. А что в общежитии? Вся та же холостяцкая братия. Когда-то он относился к общежитию как к чему-то постоянному, привычному, а теперь он относится так уже к комнате Зины. И никак Володя не мог успокоиться, что его взяли да и выставили из этой комнаты. *Ego*, а не он. Самолюбие Володи было глубоко уязвлено. Никогда еще не приходилось ему быть на месте тех женщин, которых обычно он бросал. Он бросал, а не его прогоняли.

Володя измучился, ему плохо спалось, плохо работалось; по ночам он часто просыпался, ему снились какие-то люди, которые преследовали его, кричали: «А-а... так это тот самый, тот самый... Стой, стой!..» Он вырывался из сильных рук, обманывал людей, кричал: «Это совсем не я, совсем не я, посмотрите...», но его никто не слушал, всем было ясно, что он – это он... Иногда ему снилась Зина, только он не видел ее лица, она все время отворачивалась. Он знал, что это Зина, чувствовал ее взгляд, но никак не мог разглядеть лица. «Что же это у нее на лице? Что, что?..» – мучился он, но все напрасно. Какое оно было, это лицо, – спокойное, злое? – он не знал, все мешалось во сне, какие-то странные, как будто совсем неживые люди гонялись за ним и кричали: «Держи, держи его, окаянного!..»

В первых числах марта около НИИ остановилось такси. В ветровое стекло светило весеннее солнце; водитель, сложив руки на руль, подставил лицо лучам и блаженно щурился. Его разморило, он закрыл глаза и под монотонную работу счетчика задремал. Сзади с большим букетом мимоз сидел Володя и следил за входной дверью института. Когда в дверях показалась Зина, он толкнул шофера в спину: «Не зевай!..» – и выскочил из такси. С Зиной вместе вышла и Лариса.

Поздоровавшись, Володя в первую очередь обратился к Ларисе.

– Лариса, я вас очень прошу оставить нас вдвоем с Зиной.

Лариса взглянула на Зину. Зина молча сказала: нет, нет, не уходи, не слушай его! Она подхватила Ларису под руку и, не обращая внимания на Володю, быстро пошла прочь.

– Лариса! – взмолился Володя. – Не мешай нам! Тут жизнь решается. Жизнь! Слышишь?!

– Хорошо, оставь нас, Лариса... пожалуйста, – согласилась Зина. – Ну, чего тебе?! – тут же закричала она на Володю, глядя на него в упор.

Володя показал Ларисе: «Уходи, уходи же...» Лариса, развернувшись, направилась в противоположную сторону.

– Ну, так чего тебе? – повторила Зина и пошла по тротуару.

Светило солнце, была весна, смеялись и улыбались прохожие; над головой плескалось весеннее, словно чем-то размытое, чистое небо.

– Ты бы хоть поздоровалась для начала, – сказал Володя.

– Поздоровалась?! – удивилась Зина словно чему-то противоестественному. – Что это еще за машина за нами крадется?

– Это? – обернулся Володя. – Такси.

Зина усмехнулась.

– И зачем? Уж не меня ли решил покатать?

– Тебя. А кого же еще?

Зина снова усмехнулась.

– Думаешь снова поймать на удочку? – Она покачала головой. – Эх ты, бесстыжий ты, бесстыжий...

– Насчет бесстыжего, милая Зиночка, попросил бы по легче. Я, между прочим, приехал, чтобы отвезти кое-кого в загс.

– Жениться надумал? – всплеснула руками Зина и рассмеялась. – Ах ты мой миленький, жениться надумал... Какой хороший да пригожий... Славный какой женишок!

– Смейся, смейся... Я серьезно.

– Серьезно? В загс? – все смеялась Зина. – Ах и ухажер, ах и Володичка! Люди добрые, да посмотрите вы на него!..

Прохожие в самом деле начали останавливаться около них, сначала вдалеке, а потом совсем близко. Зина взмахивала руками, восклицала, хохотала, а Володя с букетом мимоз в руках стоял рядом и терпеливо ждал.

– Так ведь, Воло-оди-и-ичка, – говорила, словно напевая, Зина, – надо женщине предложение сделать. Ей ведь это приятно. Слышишь? А то как же без предложения – и в загс?! – Она смеялась почти истеричным смехом.

– Предложение? – спросил Володя. – Пожалуйста: Зина, я делаю тебе предложение!

– Ой, не могу! Ха-ха-ха!.. Не могу!..

Прохожие, теперь уже не стесняясь, окружили Володю и Зину, начали делать замечания: мол, странные какие-то люди... Потом кто-то догадался, что это, вероятно, артисты, может, их снимают в кино. Начали оглядываться – никаких киноустановок рядом не было. «Да их же скрытой камерой снимают! – догадался кто-то. – Чтобы народ естественней вышел...» Толпа начала разрастаться, теперь на вопрос: «В чем дело?» – отвечали: «Тихо! Идут съемки...» Шофер такси совсем потерял Володю из виду, испугался, что пассажир надует, и резко нажал на сигнал. Сигнал получился как сирена – толпа дрогнула, рассыпалась... Шофер облегченно вздохнул: пассажир стоял на прежнем месте; женщина уже не смеялась и держала в руках цветы. Шофер улыбнулся.

– Так поехали?

– Ну, смотри, смотри у меня, Володя! – серьезно проговорила Зина. – Обманешь – так... пожалеешь... – И какая-то острая тоска мелькнула у нее в глазах.

Володя распахнул заднюю дверцу машины.

– Прошу!

Быстро сев рядом, он хлопнул дверцей, обнял Зину и крикнул лихо шоферу:

– Как договаривались! В загс!

Машина резко рванула, из-под колес брызнула в разные стороны талая вода...

Глава четвертая

Седьмого марта неожиданно приехал Миша; хотя, конечно, не совсем неожиданно – от Миши можно было этого ожидать. Глядя на Мишу, Алеша всегда испытывал некоторую неловкость, хотя был искренне рад каждой встрече с ним. Называл он Мишу (про себя) «добровольный раб». Миша был маленький, пухленький, очень подвижной, почти лысый, но седенький – на висках – мужчина лет тридцати пяти – тридцати шести, на лице его особенно выделялся крупнопористый, мясистый нос, с которым Миша обращался очень жестоко: все время тер его, мял, трогал. Нельзя было без улыбки наблюдать за этой вечной борьбой пухлого, седенького Миши со своим носом. Но, несмотря ни на что, Миша гордился носом: он придавал облику Миши вид самого добродушного и незлобивого человека.

Приехал Миша с подарками; для Наташи он достал из сумки огромный сверток, в котором оказалась симпатичная, с голубыми удивленными глазами кукла, одетая в легкое, светлое, с бантом на шее платье. В пухлых ручках она держала духи «Красная Москва» и открытку. Наташа поцеловала Мишу в щеку, тугую, как крепко надутый резиновый мяч, подхватила куклу правой рукой, прижала к себе (это была мягкая немецкая кукла) и небрежным движением левой руки перевернула открытку. Прочитав ее, она погрозила Мише пальцем, Миша этого только и ждал – начал тоненько, заливисто и счастливо смеяться. Алеша заглянул через Наташино плечо и прочитал:

«Милая мамочка! Когда вы с папой догадаетесь меня родить? Поздравляю, мамочка, с днем 8 марта, желаю счастья, здоровья и успехов в учебе. Дочка Саша».

Ну, это у Миши был конек: приставать к ним с дочкой и почему-то именно Сашей. В прошлую зиму, когда они жили еще на даче, он им проходу не давал с этой Сашей: у всех дети рождаются, а вы даже такую соплячку, как Саша, не можете выдать?.. Ага. Все это, конечно, были шутки, но порой они утомляли, особенно Наташу. Ей всегда казалось, что в таких «внутренних» делах даже шутки неуместны.

Ларисе Миша подарил духи «Бон шанс». Он не был знаком с Ларисой, но знал, что хозяйка квартиры молодая женщина, к тому же работает она вместе с Алешей, поэтому не мог не поздравить и ее, не подарить что-нибудь.

Праздник отмечали в Ларисиной комнате; так как общих интересов не находилось, начали вспоминать, что было когда-то. Воспоминания были веселые, хорошие. Лариса мало знала о жизни Алешы и Наташи на даче, поэтому только слушала. Но слушала с интересом: улыбалась или смеялась вместе со всеми, хорошо представляя, как это все было тогда.

Дача Павла Петровича и Лидии Константиновны находилась километрах в сорока от Москвы, в местечке Отдых – недалеко от города Жуковского; в то время Алеша не решался еще порвать с Наташиными родителями, и зимой, когда представилась возможность жить отдельно от них – на их же даче, он с радостью ухватился за эту идею. Может быть, это было лучшее время их совместной жизни, но не в этом дело. Дело в Мише. Дачу нужно было топить два раза в день – углем и дровами, ни дров, ни угля не было. Горячей воды тоже не было, никакой не было, даже холодной. Был рядом с домишком колодец, промерзал он страшно, зато у них на этот случай имелось несколько палок, деревянных и железных, с набалдашником на конце, ими и пробивали лед. Ну, да опять не в этом дело. Дело в Мише.

Вошел он в их жизнь странно, загадочно, но прочно и, пожалуй, навсегда (в это время ни Алеша, ни даже Наташа не догадывались, что у «папы» есть «добровольный раб»). Возвращаются они один раз домой – во дворике, у гаража, где обычно стояла летом «Волга» Павла Петровича, лежат дрова. Ладно, спасибо «папе». В другой раз смотрят – машина угля свалена у сарая, уголь тщательно прикрыт от снега листовым железом. Ладно, снова спасибо «папе». Алешу это начало потихоньку раздражать: не любил он благодеяний, о которых нужно пом-

нить потому, что люди делают их не совсем от чистого сердца, а – чтобы *помнили, знали*. Тут в декабре оттепель ударила, солнце разыгралось, словно весна пришла. Идешь по поселку, глаза щуришь, пальто распахнешь... вдруг через тропинку, с сосенки на сосенку летит по воздуху рыжий бельчонок, распластав пушистый хвост. Гикнешь что-нибудь, рассмеешься, а уж тот далеко, он у себя дома... Вот так однажды подходят они к даче, открывают калитку, идут по тропинке – и вдруг перед глазами огромная, высочайшая снежная баба. Тут уж, конечно, не «папа», кто-то другой постарался, спасибо... Наташа вскрикнула от радости, восхищенно ударила в ладоши, подбежала к бабе, давай на нее смотреть, разговаривать с ней, а сама смеется так тоненько... как маленькая. Ну, и Алеша рассмеялся... Смотрят они на бабу и смеются... Баба ростом стоит метра три – как только сделали такую! – на голове ведро, на ведре соломенная шляпа – совсем смех! Глаза-угольки посверкивают на солнце, губы обрамлены ярко-алой тряпочкой, а чуть выше нижней губы маленькие черные угольки выложены – зубы, и баба как будто весело и во всю мощь смеется, да странно как-то, то ли черными, то ли белыми зубами! На шее у бабы малиновый – в белый горох – платок углом вниз, а на груди угольками выложено:

Я САША, ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Тут они смотрят, а на завалинке сидит дяденька: толстенький, кругленький, в тулупе, в меховой шапке – и босой. Он поманил их пальцем, сказал:

– Это я сделал. Миша меня зовут. А вас я знаю. Вы Наташа и Алеша. Я вас давно знаю. Ну, и люблю, ага...

Так и сказал: «Давно знаю. И люблю». Потом снял с головы шапку (с седенькой его лысины пар повалил), говорит:

– Вы не смотрите, что я босой, – кивнул на ноги. – Жарко в валенках-то. Отдыхаю вот...

Так они и познакомились с Мишей. И вот теперь смеялись, вспоминая это знакомство. Больше всех смеялась почему-то Лариса – заразительней всех. Она хорошо представляла Мишу в тулупе, пар с головы валит, а ноги босые, рядом валенки валяются, – чудак человек!..

Но были случаи поинтересней.

– Давай-ка, Миша, – попросил Алеша, смеясь, – лучше про Новый год расскажи. Как ты его встречал.

Не успел Алеша сказать, как Наташу прямо затрясло от смеха.

– Ага, встречал, – согласился Миша, поднял рюмку и со словами: – За здоровье женщин! – выпил. – Дело было так, – начал он. – Новый год на носу... Уже, значит, тридцать первое декабря. Ага... Долго думать я не думал, решил – пойду к ребятам, поздравлю с наступающим... живу-то я рядом, в Жуковском, – объяснил он Ларисе. – Купил вина, подарки, пошел. Иду, ага... А вечер хорош, морозец, нос так и щиплет. Лес потрескивает, темно, но звезды. Звезды, ага... Подхожу к даче, значит...

– Нет, ты сначала про предчувствия свои расскажи, – перебила Наташа. – По порядку рассказывай.

– Ну да, про предчувствия эти... Я когда шел, предчувствие у меня какое-то. Не то, мол, что-то. А что не то, не знаю. А предчувствие свое я по пятке определяю, она зудит у меня. У меня когда жена заболит или ребяташки, сразу предчувствие – пятка так и ноет, так и ноет. Правая пятка. Ага... Ну, и тут ноет. И ноет, и ноет. Я говорю ей: не ной, значит. А она – свое, ноет, не слушается. Это я могу иногда – внушать. Скажу: не ной, значит, – она и перестанет. Слушается...

– Он телепат у нас, – сказала Наташа.

– Телепат не телепат, а бывает. Случается. Ага... Но тут ничего такого. Я, понятно, ушки на макушку. К дому подхожу, к даче... Ну да, так и было... Смотрю – света нет в большой-то комнате. Ну, нет так нет, бывает. Может, думаю, к своим уехали, в Москву. Жалко. Ага... Ну, иду дальше, во двор захожу. Вижу, на кухне ровно бы свет мелькнул. И погас. Если бы не

предчувствие, я бы ничего. Может, они вот сами и включили. Ага... А тут нет, не то что-то... Бегом-бегом – и к дому. Заглядываю в окно – темно. Совсем темно. Ага... Вдруг бац свет в маленькой комнате, а в комнате вижу я...

– Нет, ты сначала про следы расскажи, – перебила Наташа, – как ты их исследовал.

– Исследовал. Было. Правильно. Шел ведь снег. Ага... Крупный такой, хлопьями. Я по следам смотрю – свежий след к дому, ну совсем прямо свежий. И не их вовсе. Не ваш. Их-то след я знаю, – обратился он к Ларисе. – Да и вижу еще, что хозяйский след как раз из дому ведет. И давно, видно, ушли уже. Еле-еле так видать. Запорошило. Ага... Ну, свет-то бац в маленькой комнате, и вижу я – пацан какой-то в комнате шныр-шныр, шныр-шныр... Я в окно смотреть не боюсь: он-то на свету, а я в темноте, я все вижу, он – ничего. Глупый. Пацан. Ага... Он, значит, шныр-шныр, ищет чего-то быстро-быстро в шкафу... Мне хорошо все видать... – Нос у Миши совсем покраснелся; пока рассказывал, успел порядочно измять его. Наташа изредка брала Мишу за руку и убирала ее на стол. Мише это было приятно: и что нос тербил, и что Наташа брала за руку, как маленького. – Потом, – продолжал Миша, – пацан что-то нашел. Ага... Схватил в руки, смотрит, смотрит... (Это был Алешин портрет.) Обернулся ко мне, гляжу – рот до ушей... Ах, ты, думаю, ворюга, щас я тебе... Подхожу к веранде – стекло выставлено. Аккуратно, осторожно – рядом с крылечком поставил. Ну, что делать? Полез я в окно. Ага... Скинул полущубок, а все равно туговато идет, толст немного. Но лезу; главное – голову просунуть, а голова прошла свободно. Поднатужился – р-раз!.. – и полетел на пол. Да с грохотом! Не рассчитал. Ага... Бывает. Ладно, думаю. Услышал – так услышал. Все равно деваться ему некуда, ход один – через окно... Встал. Перевел дыхание. Прислушался. Тишина. Ладно. Р-раз дверь!.. Влетаю в дом. Свет горит, а никого.

«Эй! – кричу. – Есть кто?»

Тишина.

«Спрятался», – думаю. А на душе тревога, пятка так и зудит, так и зудит, сил нету. Чует вора. Включил везде свет, ищу... Поискал, походил – никого нет. Ага... Потом, значит, только из кухни выходить – что-то ка-а-ак вдарит по голове! Энциклопедия эта... Ага...

Тут уже ни Наташа, ни Алеша, а за ним и Лариса сдержаться не смогли: грохнули разом, представляя, как бедный Миша получил энциклопедией по голове. Смеялись долго, до слез; Миша в это время растерянно и наивно улыбался.

– Ага... – продолжал он наконец. – Энциклопедией этой... Умная штука, крепко бьет... – Миша потрогал свою голову.

И снова все засмеялись.

– Ага... У меня, значит, искры из глаз, а он мне бух в поддых. Книгой этой...

– Ну и Шурка! Ой, не могу, не могу!.. – заливалась Наташа.

Миша потер кулаком нос, криво улыбнулся, вспомнив, что тогда ему было не так сладко.

– Ага... Он, значит, за печкой спрятался, на выступ наверху встал и стоит. Ждет меня... Колотнул раз по голове да вниз, в поддых, добавил. Выходит, падать пришлось. Я и падаю... Ага...

У Миши на лице было такое наивное, добродушное и в то же время оторопелое выражение, что не смеяться было невозможно.

– Ага... Упал. А потом как схватил его за ногу и давай с ним драться...

– Это с Шуркой-то, с Шуркой!.. – все смеялась Наташа.

– Ага, с ним... с Шуркой этим... Ну уж, дал ему разок! Ага... Деру его, деру, а он молчит. Ага... Ну, не деру, а так. Связал ему руки вот ее пояском, – Миша кивнул на Наташу, – оттащил в маленькую комнату, бросил на кровать:

«Лежи, – говорю, – ворюга!»

И сам сел рядом на стул. Ага. Отдыхаю. Тяжело дышу.

«Сам ты ворюга», – говорит мне.

«Я-то не ворюга, – отвечаю. – Я по чужим квартирам не лажу».

«Я тоже не лажу по чужим квартирам, – говорит. – Это ты лазишь».

«Да это я за тобой полез. Тебя поймать. Понял, вор?»

«А я тебя хотел убить. Потому что ты вор, а не я».

«Ага, говорю, хитрый больно. С тобой и правда воровом сделаешься. Не выйдет! Вот в милицию отведу, там тебе расскажут, кто вор. Отец придет, задаст тебе взбучку. Ага. Если еще в тюрьму не посадят. Ты кто такой? Кто у тебя отец?»

«Я-то знаю, кто я, а вот ты кто такой?»

Долго мы так с ним говорили. Ага. Потом начал он хитрить. Это я так думаю.

«Вот Алеша придет, – говорит, – задаст тебе. Самого в милицию отведет».

«Во-во, пускай побыстрее приходит, – говорю, – дело есть. Новый год справить. Ага. Да вора на руки сдать».

«Алеша тебе и за «вора» даст! Съездит разок – будешь знать!»

«А он кто тебе, Алеша-то? – усмехаюсь я. – Брат, сват, может?»

«Смейся, смейся! Как раз брат и есть...»

«Вот-вот. То-то я помню твою рожу. Не раз видал, как по магазинам шастаешь, бутылки сдаешь. Ишь нашел себе брата! И откуда только такие братцы берутся? С неба, может, свалился?»

«Из Свердловска свалился!»

«Ого! Далекие края. Только что-то не слыхал, будто у Алеши братья есть. Ага. Не слыхал. Нету таких. Ну, и как изволили добраться? На своих двоих?»

«Ох, и дурак же ты», – говорит мне и вздыхает.

«Ага. Я-то дурак. Зато ты больно умный. По чужим квартирам лазить. Грабить под Новый год».

«Не грабил я. Сказано – к Алеше прилетел. На самолете. Из Свердловска. Понятно?»

«Ага, – улыбаюсь, – как не понятно. Еще бы. Все понятно. Какой самолет-то?»

«ТУ».

«О, даже «ТУ»? Ну и как тебе его винты? Ничего, а?»

«Винты! – презрительно фыркнул. – Нашел кого ловить на удочку. Винтов целых двадцать – и все с крылышками. Развязал бы лучше руки».

«Спешу и падаю, – говорю. – Ага. Чтоб снова энциклопедией вот этой получить? Нет, брат, научен горьким опытом. Ага...»

Ну, а что было дальше, вы знаете... – махнул Миша рукой.

– Да ведь Лариса-то не знает! – воскликнула Наташа. Но видя, что Мише не хочется больше рассказывать (дальше неинтересно для него), продолжила рассказ сама: – Мы с Алешей, – Наташа посмотрела на Алешу и улыбнулась, – вернулись на дачу только-только к двенадцати. Новый год на носу, а нам грустно. Мне даже страшно, потому что телеграмму получили, а встретить Шурку опоздали, телеграмма поздно пришла. «Где он теперь? – думаю. – И доберется ли до нас сам?» Все-таки никогда в Москве не был, первый раз из своего поселка уехал, а тут из аэропорта нужно добраться до города, найти Казанский вокзал, – а что именно его искать надо, он еще и не знает, – сесть на электричку, доехать до Отдыха и прочее. Алеша подбадривает меня: ничего, найдет, парню не семь, а, слава Богу, уже двенадцать, он вообще сорвиголова... А мне еще потому грустно, что, встретить мы Шурку, можно было сразу поехать к нашим в Москву – нас ждали, а теперь придется весь Новый год проторчать вдвоем на даче и ждать, приедет Шурка или нет, найдет нас или нет. Да если даже и смог бы нас найти, то как нас теперь искать, когда уже ночь, темно? Вот такие у нас думы... Ну а дверь открываем – и что мы видим? Мы видим, – вспоминая, Наташа снова начинает смеяться, – на нашей кровати, связанный по рукам и ногам, спит Шурка, а рядом на стуле посапывает Миша! Ох, и смеху же было, когда они, проснувшись, начали наговаривать друг на друга... Я прямо чуть по полу

не каталась!.. Вот он у нас какой, этот Миша. – Наташа ласково взяла его руку и положила на стол, чтобы не теребил свой нос.

...Поздно вечером Алеша с Наташей проводили Мишу домой. Возвращались на Остужевскую; вдруг Наташа вспомнила еще один смешной эпизод. Однажды, тоже зимой, Миша свалился в колодец. Они слышат: Миша кричит, а откуда – понять не могут, еле догадались. Подбежали к колодцу, заглянули вниз, а оттуда к ним засветились таких два жалких и перепуганных глаза, что мороз по коже прошел. Свалился Миша туда, пробивая лед палкой: наклонился над колодцем, не рассчитал удара, лед проломился, и Миша полетел вниз. Утонуть было невозможно – колодец был широк, лед толст, а лунка в диаметре чуть больше ширины ведра, но и выбраться наверх Миша тоже не мог. «Вот когда я вспомнил, что в школе надо было по канату лазить, мышцы наращивать. Пригодилось бы теперь», – рассказывал Миша позже.

Теперь смеялись над этим – и Алеша, и Наташа. И вдруг... Бывает, что вот делаешь что-нибудь, совершенно уверенный в своей правоте, но неожиданно что-то пронзит тебя: «Как же ты об этом-то не подумал?!»

Так и с Алешей: смех ему показался вдруг обидным для Миши, хотя его и не было рядом.

– Как странно все-таки, – сказал Алеша, остановившись посреди улицы. Но сказал словно для самого себя.

– Что? – не поняла Наташа. – Что он упал в колодец?

– Не это... – опять словно для себя одного, но как будто уже недовольный напоминанием Наташи, пробормотал Алеша. – Другое...

Он подумал, что вот Миша чуть не вдвое старше их, у него семья, жена, двое ребятишек (а всего этого словно нет, по крайней мере – другие этого не чувствуют), но живет Миша, словно должен что-то даже Алеше с Наташей, – и это теперь особенно поразило Алешу. В самом деле, не их ли ради – чтобы угодить им, помочь и тому подобное – разбивал он этот лед и нечаянно свалился в колодец? А ведь это могло кончиться печально, а не смешно. Или вот снежная баба, что это? А уголь? А дрова? Где-то все это нужно было достать и привезти. А то, что, никого не спрашивая, Миша на их даче всегда старался расчистить снег, принести воды в дом, наколоть дров, позаботиться о газе (баллон стоял на улице)? Что это? Или то, как он самоотверженно, хоть и смешно, «защищал» дачу от Шурки? Что все это?

И вот теперь, на Восьмое марта, приехал поздравить Наташу, подарки привез. Легко сказать «раб» или «добровольный раб», ибо, так сказав, уже словно бы снимаешь часть вины, которую чувствуешь перед этим человеком, но не очень ее понимаешь. Уже то, что Миша «преклонялся» перед ними, Наташей и Алешей, хотя они совершенно того не стоили, раздражало теперь Алешу, злило. Это была злость на самого себя...

...Павел Петрович, проходя как-то по коридору треста, заметил в одном углу, в кресле, пухленького и лысого человека; назвался он Мишей. Оказалось, Миша приехал в Москву «попытать счастья» (до этого с семьей он бывал на Дальнем Востоке, Урале, в Казахстане), но пока счастье что-то не шло в руки: устроиться в Москве с жильем, квартирой, пропиской было очень трудно, а может, даже и невозможно. Об этом, рассказывая, Миша говорил охотно, с интересом, как-то странно, наивно и добродушно улыбаясь. Что-то в Мише поразило Павла Петровича, и он вдруг проникся к нему симпатией. Павлу Петровичу показалось, что Миша и он – родственные души, хоть и разные по полету птицы: Павел Петрович – зам. начальника крупного строительного треста, а Миша – никто. Кроме того, кому когда-либо не хотелось вдруг «осчастливить» человека – так просто, от широты души, от хорошего настроения, оттого, что *ты* – можешь, а *другой* – нет?

Павел Петрович сделал для Миши все: устроил на работу строителем, прописал, на зиму предоставил его семье свою дачу, а летом, ближе к осени, Миша справил новоселье в Жуковском – чудом или не чудом, но трестом ему была выделена однокомнатная квартира со всеми

удобствами. Так у семьи Павла Петровича появился «добровольный раб» Миша, которого неслыханная доброта Павла Петровича – откуда? за что? – не только поразила, но обожгла; теперь, стараясь всеми своими действиями, всей своей жизнью выразить признательность и благодарность Павлу Петровичу, Миша разбивался в лепешку, чтобы угодить начальнику и его семье, и не только не чувствовал тяготы своего положения, но, наоборот, был полон готовности вечно оставаться «рабом». В доброте своей души он был, возможно, и велик, но наивен; ему и в голову не приходило, что за хорошее дело благодарить «вечно» также безнравственно – особенно со стороны тех, кто принимает эту благодарность, – как безнравственно казнить человека во всю его жизнь за один промах. Впрочем, дело было не в Павле Петровиче – он был по природе своей добрый человек, недаром он почувствовал в Мише родственную душу, – дело было в Лидии Константиновне. Насколько сама она была не способна на добрые дела, настолько не могла пропустить случая, чтобы другие делали для нее добро бесконечно. Уж она-то не упускала ни одной возможности, чтобы не воспользоваться помощью Миши, но так как помыкание им она осуществляла через Павла Петровича (Павел Петрович был безвольный человек; доказывать что-то и тратить на это огромное количество энергии, а затем терпеть все-таки поражение так ему надоело, что он смирился со своей участью и плюнул на все, чего касалась рука жены), то поначалу Алеша чувствовал раздражение лишь против Павла Петровича. Затем все понял; поняв, невзлюбил Лидию Константиновну, а к Павлу Петровичу проникся чувством глубокого презрения...

Вот о чем теперь думал Алеша, возвращаясь с Наташей домой.

– И самое странное, – продолжал Алеша, – что мы совсем свыклись с мыслью, что все это нормально: Миша приехал! Миша сделал! Миша поздравил!..

– Ну, приехал! Ну, поздравил! Что в этом?

– Вот-вот... Так и Лидия Константиновна с отцом твоим рассуждают. А чего это тебя поздравлять? Или почему это он тебя поздравляет, а ты вот не поедешь Люсю, его жену, поздравить?

– Ну, опять за рыбу деньги... Приехал человек, поздравил, посидели, выпили, поговорили, все хорошо – так нет, тебе опять что-то не так... Я смотрю, тебе только и хочется ругаться. Все не так, все не по тебе...

– Что не так?! Что не по мне?! И правильно – не по мне! Не хочу я никаких поздравлений от рабов!

– Тебя никто, кстати, и не поздравляет! Меня поздравлять приезжал человек. Меня!

– А тебе и приятно! Еще бы – истинная дочь своих родителей. Если они закабалили человека...

– Не смей так говорить! Никто никого не кабалил! У нас тут не рабовладельческое государство!

– Вот именно! Если у твоих родителей хватает совести угнетать человека, так хоть бы ты совесть поимела...

– Какую мне совесть иметь? Сказать человеку, чтобы он не приезжал? Но за что его так обижать? Что он мне плохого сделал?

– Он-то как раз ничего плохого не делает! Это вы, ваше семейство, своими благодеяниями человека замучили. На кого он похож? Где у него собственное лицо? Человеческое достоинство?

– Это ты у *него* спроси! Я тут ни при чем...

– Конечно, здесь сразу все ни при чем! А замечала ты когда-нибудь, кто ремонтирует вашу дачу? Кто перевозит ваше барахло? Привозит уголь, дрова? Достает вам клубнику, цветы? Кто посадил малину на участке? Кто устраивает твоему отцу рыбалку? Кто ездит за билетами, за продуктами – за продуктами! – когда Лидия Константиновна, видите ли, плохо

себя чувствует или, проще говоря, когда она уже бесится от скуки и лени?! А кто стоял два часа в очереди, чтобы купить тебе помаду (тебе! помаду!)? Кто все это делает, кто?!

– Мог бы и ты постоять в очереди. Вместо него!

– Как ты не понимаешь, я говорю о другом! Когда ты поймешь, наконец, как все это подлю! И все это твои родители! Эти твои благодетели, которые и меня хотели сделать рабом. Нате вам, детки, то, нате другое, будьте счастливы, будьте благодарны! Помните! Вот мы какие! Хорошие да пригожие...

– Дурак! – воскликнула в отчаянии Наташа. – Если тебе люди делают хорошее, когда у тебя самого ничего нет, то не обязательно презирать или ненавидеть их за это!

– Если это *люди*! Если это *хорошие*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.